

С. Г. Карпюк

КЛИСФЕНОВСКИЕ РЕФОРМЫ И ИХ РОЛЬ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКИХ АФИНАХ

Реформы Клисфена издавна привлекли к себе внимание историков, и мы не будем стремиться охватить все проблемы, связанные с ними. Наша цель скромнее: выявить ту роль, которую они играли в социально-политической борьбе в Аттике в конце VI в. до н. э., и насколько они сами были результатом этой борьбы.

В последние десятилетия появилось много исследований по рассматриваемой теме, причем особо следует выделить дискуссию о приеме «новых граждан» (неополитов)¹. В западной историографии реформы Клисфена очень часто рассматриваются в отрыве от политической борьбы своего времени, как пример установления какой-то абстрактной демократии, «представительного правительства» и т. п.² Другая часть исследователей, напротив, рассматривают клисфеновские преобразования лишь как некий «ход» в «партийной» (или «региональной») борьбе, который должен был утвердить Алкмеонидов у власти, считая установление демократии чуть ли не побочным продуктом этой политической игры³. И даже в самых содержательных работах буржуазных историков политическая борьба вокруг клисфеновских реформ почти никогда не связывается с экономическим развитием и изменениями в социальной структуре⁴.

Этот аспект исследования был выдвинут еще в конце XIX в. основоположниками марксизма. Ф. Энгельс высоко оценивал значение клисфеновских реформ, рассматривая их как важнейшую веху формирования античного рабовладельческого государства. В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» он поставил их в «ряд так называемых политических революций», начатых Солоном⁵. В результате реформ Клисфена «органы родового строя были оттеснены от государственных дел»⁶. Как зарубежные историки-марксисты, так и советские ученые,

¹ Knight D. W. Some Studies in Athenian Politics in the Fifth Century B. C. Wiesbaden, 1973, p. 13 f.; Garcia Moreno L. A. El ultimo cuarto del siglo VI a. C. en Atenas. — Hispania, 1976, № 132, p. 114 sg.; Grace E. Aristotle and the «Enfranchisement of Aliens» by Kleisthenes. — Klio, 1974, 56, S. 353—368.

² Larsen J. A. O. Representative Government in Greek and Roman Antiquity. Berkeley, 1973, p. 14—18; *idem*. The Judgement of Antiquity on Democracy. — CPh, 1954, 49, № 1, p. 1—14.

³ Sealey R. A History of the Greek City States ca. 700—338. Berkeley, 1976, p. 157; *idem*. Regionalism in Archaic Athens. — Historia, 1960, B. 9, H. 2, S. 169—173; Schaefer H. Besonderheit und Begriff der attischen Demokratie im 5. Jh. — In: Synopsıs: Festgabe für A. Weber. Heidelberg, 1948, S. 479—503.

⁴ Ehrenberg V. From Solon to Socrates. L., 1968, p. 87—99; *idem*. The Greek State. 2nd ed. L., 1969, p. 20—29; Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. Oxf., 1958, p. 135—154.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 115.

⁶ Там же, с. 118.

к сожалению, крайне редко обращаются к изучению клисфеновских преобразований. Однако следует отметить работы английского историка Дж. Томсона⁷ и французского историка П. Левека⁸. В советской науке еще в конце 30-х годов появилось специальное исследование С. Гельфенбейна о реформах Клисфена⁹. В 60-е годы в книге К. К. Зельина были поставлены и удачно решены некоторые проблемы социально-политической борьбы в Афинах в конце VI в., хотя автора преимущественно интересовал более ранний период истории Аттики¹⁰. Деятельность Клисфена-политика рассматривалась В. М. Строгоцким и Э. Д. Фроловым¹¹, а вопрос о приеме неополитов был затронут в исследованиях А. И. Доватура, Л. М. Глускиной и Э. Грейс¹². Однако специально вопрос о значении реформ Клисфена для социально-политического развития Афин конца VI — начала V в. в послевоенной советской историографии не рассматривался.

Обратимся к древним авторам. Геродота мало интересовало само содержание реформ, и он посвящает им всего несколько строк (V, 66, 69; VI, 131), указывая, что Клисфен переименовал филы, увеличив их число до 10, а в каждую филу входило по 10 демов. Из сохранившихся фрагментов аттидографов для нашей темы представляют некоторый интерес фрагменты Андروتтиона, в которых сообщается о введении Клисфеном новых должностей (FGrH, 324 F 5) и остракизма (FGrH, 324 F 6), а также свидетельство Филохора о притании (FGrH, 328 F 30).

Некоторая ясность в вопрос о составе и дате принятия клисфеновских реформ была внесена после обнаружения «Афинской политики». Аристотель широко использовал труд Геродота при описании политической борьбы, предшествующей реформам Клисфена¹³. Но для описания содержания реформ труд Геродота почти ничего не давал, и к тому же Аристотель вел с ним скрытую полемику: так, он не повторил ошибочного утверждения Геродота (V, 69) о том, что в каждую филу входило по 10 демов. Было бы ошибкой полагать, что Аристотель полностью следовал аттидографической традиции: во всяком случае датировка введения остракизма в «Афинской политике» отличается от датировки Андروتтиона (FGrH, 324 F 6)¹⁴. В распоряжении Аристотеля были, очевидно, некоторые документальные источники (высеченные на плитах постановления народного собрания, датированные именами архонтов). Так, клятву членов Совета пятисот, которая дошла до нас только частично (IG, I², 114), он мог знать полностью. Источником для характеристики клисфеновских преобразований было для Аристотеля и современное ему государственное устройство Афин, основы которого были заложены Клисфеном. Поэтому философ не всегда ясно представлял, какие преобразования были проведены самим Клисфеном, а какие — после него. Некоторые исследе-

⁷ Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Т. II. М., 1959, с. 197 сл., 212—216; Thomson G. Aeschylus and Athens. 2nd ed. L., 1946, p. 200—209, 221 f.

⁸ Lévêque P. Formes des contradictions et voies de développement à Athenes de Solon à Clithènes.— Historia, 1978, V. 27, N. 4, S. 522—549.

⁹ Гельфенбейн С. Революция Клисфена.— Уч. зап. ЛГУ. Сер. история, 1939, № 36, вып. 3, с. 181—187.

¹⁰ Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. М., 1964.

¹¹ Строгоцкий В. М. Клисфен и Алкмеониды.— ВДИ, 1972, № 2, с. 97—107; Фролов Э. Д. Политические лидеры афинской демократии.— В кн.: Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983, с. 6—22.

¹² Доватур А. И. Политика и Политии Аристотеля. М.— Л., 1965, 128 сл.; Глускина Л. М. О правовом положении афинских вольноотпущенников в IV в. до н. э.— ВДИ, 1965, № 1, с. 51—60; Grace. Op. cit.

¹³ Доватур. Политика..., с. 309; Wilamowitz-Moellendorf U., von. Aristoteles und Athen. B. I. B., 1893, S. 29—33; Day J., Chambers M. Aristotle's History of Athenian Democracy. Berkeley, 1962, p. 104 f.

¹⁴ Kagan D. The Origin and Purposes of Ostracism.— Hesperia, 1961, v. 30, № 4, p. 393—401.

дователи даже полагают, что Аристотель умышленно неопределенно высказался о клятве булевтов и учреждении стратегии, поскольку не мог соотносить их с деятельностью Клисфена¹⁵.

Однако наиболее значительное преобразование Клисфена — реформа фил и создание демов как административных единиц — четко относится Аристотелем к самому началу реформ и датируется годом архонства Исагора — 508/7 г. (Ath. pol. 21,1—2,4—6), что согласуется с сообщениями Геродота (V, 66, 69). Поллукс в «Ономастиконе» (VIII, 110) датирует эти преобразования архонством Алкмеона, что соответствует следующему, 507/6 г. По всей видимости, эти реформы были начаты в конце 508/7 г. и завершены в основных чертах в течение следующего года¹⁶.

То, что реформа фил была проведена в первую очередь, неудивительно; все остальные преобразования уже основывались на новом делении граждан. Вместо четырех старых фил (точнее, не «вместо», а «вместе»: старые филы сохранились для культовых нужд)¹⁷ было создано 10 новых, основанных на территориальном принципе (Ath. pol. 21, 2). Но каждая из фил не составляла целостной территории; вся Аттика была поделена на три части: город (ἄστυ), прибрежную (παράλια) и внутреннюю (μεσόγειος), причем каждая фила состояла из трех частей («третий») — по одной от каждого региона Аттики. Распределение тритий по филам происходило, как утверждал Аристотель (не совсем верно, как будет показано ниже), по жребию. Самой мелкой, но, пожалуй, самой важной административной единицей стал дем. В деме хранился список его членов (полноправных граждан), общее собрание демотов избирало сроком на год старосту дема — демарха. Именно в деме устанавливалась принадлежность афинянина к числу граждан. Демы значительно различались по населенности, и крупнейший из них, Ахарны, образовывал целую тритию. Число демов в филах строго не лимитировалось (например, в филе Эантиде никогда не было более 6 демов)¹⁸, а всего демов было значительно больше ста. Страбон (IX, 1, 16) сообщает, что к его времени существовало 170 (или 174) демов. Несмотря на то, что демы были территориальными единицами, принадлежность к дему передавалась по наследству: если афинский гражданин жил во время реформ Клисфена в каком-то деме, то его потомки продолжали принадлежать к тому же дему, вне зависимости от их места жительства.

На основе нового деления гражданского коллектива был создан новый Совет — Совет пятисот, включавший по 50 представителей от каждой филы (Ath. pol. 21, 3); члены Совета (булевты) выбирались по демам, пропорционально численности последних (жеребьевка была введена в середине V в.)¹⁹. Совет пятисот не мог начать свою деятельность ранее 507/6 г., а при архонте Гермocreонте (501/0 г.) была уже введена «клятва булевтов» (Ath. pol. 22, 2). Более точно датировать учреждение Совета пятисот затруднительно, но нам представляется более вероятной сравнительно ранняя датировка — 507—504 гг.

Аристотель перечисляет среди клисфеновских преобразований и закон об остракизме, который был направлен против политических деятелей, заподозренных в стремлении к тирании (Ath. pol. 22, 1). На специально созванных народных собраниях решалось, есть ли кандидатуры для

¹⁵ Day, Chambers. Op. cit., p. 106.

¹⁶ Wilamowitz-Moellendorf. Op. cit., B. 1, S. 23 f.; Aristotle. Constitution of Athens/Ed. by Sandys J. L., 1912, p. 89; Seager R. Herodotus and Ath. pol. on the Date of Cleisthenes' Reforms.— AJPh, 1963, v. 84, № 3, p. 287—289; Bicknell P. J. Athenian Politics and Genealogy.— Historia, 1974, B. 23, H. 2, S. 146 f.

¹⁷ Busolt G. Griechische Staatskunde. H. 2. 3. Aufl., bearb. von Swoboda H. München, 1926, S. 879 f.; Sealey. A History..., p. 151.

¹⁸ Lewis D. M. Cleisthenes and Attica.— Historia, 1963, B. 12, H. 1, p. 30.

¹⁹ Rhodes P. J. The Athenian Boule. Oxf., 1972, p. 7, 12; Laix R. A., de. Probouleusis at Athens. Berkeley, 1976, p. 21.

остракизма и кто должен быть изгнан (голосование проводилось черепками — *ostraka*). Изгнание длилось 10 лет и не сопровождалось лишением гражданских прав и конфискацией имущества. Далее Аристотель указывает, что остракизм впервые был применен против Гиппарха, сына Харма, в 488/7 г. — почти через 20 лет после его учреждения (Ath. pol. 22, 3—4).

Большинство исследователей вслед за Аристотелем датируют введение остракизма концом VI в., по-разному объясняя отсрочку в его использовании, но некоторые ученые, основываясь на сообщении Андротиона (FGrH, 324 F 6), считают, что никакой отсрочки не было и что остракизм был учрежден непосредственно перед изгнанием Гиппарха, сына Харма²⁰. И Аристотель, и Андротион основываются в данном случае на какой-то противоречивой поздней традиции²¹, и, исходя из этого, можно прийти к заключению, что нельзя более точно датировать закон об остракизме, чем периодом между 508/7 и 488/7 г.²² Однако сравнительно недавно была опубликована выдержка из византийской рукописи XV в. (Codex Vaticanus Gr. 1144), содержащая сведения об остракизме, восходящие, как полагают, к Феофрасту²³. Во фрагменте утверждается, что закон об остракизме в Афинах был введен Клисфеном (1), что сначала вопрос об остракизме решался в Совете (3—5) и черепки бросались внутри ограды булевертия (6). Для изгнания сначала требовалось более 200 черепков (7), но затем демос увеличил число требуемых для остракизма голосов (10—11). Один из издателей текста, А. Раубичек, предположил, что «остракизм был введен Клисфеном в короткий период времени между концом тирании и его собственным изгнанием», не действовал после возвращения Клисфена из изгнания (508/7 г.) и только после битвы при Марафоне стал активно применяться, но уже в новой версии²⁴. Однако Клисфен до своего изгнания в 508/7 г. никаких преобразований не осуществлял, хотя Геродот и сообщает о реформах Клисфена до описания заключительной стадии борьбы Клисфена и Исагора (Herod., V, 66—73). Но это еще не может служить доказательством более ранней даты реформ Клисфена: Геродот в своем труде не стремился к хронологическому описанию событий (исключение составляет история самих Греко-Персидских войн). Для хронологии важнее свидетельство Аристотеля: «Побеждаемый гетериями, Клисфен возглавил демос, передавая государство большинству (*ἀποδίδος τῷ πλῆθει τῆν πολιτείαν*)» (Ath. pol. 20, 1) (отмечена незавершенность процесса)²⁵. Клисфен не мог приступить к осуществлению преобразований в короткий период до своего изгнания Исагором, и поэтому гипотеза А. Раубичека представляется нам ошибочной.

С другим предположением выступил Д. Маккаргар, по мнению которого под *βουλή* следует понимать новый Совет пятисот. То, что остракизм был сначала прерогативой Совета пятисот, является, по его мнению, свидетельством силы этого органа в момент его зарождения. Как считает Д. Маккаргар, $\frac{2}{5}$ голосов членов Совета пятисот было достаточно для утверждения остракизма, причем объясняется это сложностью политиче-

²⁰ Литература по вопросу об остракизме велика. Основные работы (с библиографией): Busolt. Op. cit., S. 884—887; Carcopino J. L'ostracisme athénien. P., 1935; Dover K. J. Androton on Ostracism. — ClR, 1963, 13, p. 256 f.; Keaney J. J. The Text of Androton F 6 and the Origin of Ostracism. — Historia, 1970, B. 19, H. 1, S. 1—11. Ср. также сообщение Филохора (FGrH, 328 F 30) и комментарий Ф. Якоби (FGrH, T. IIIb, v. I, p. 315 f.).

²¹ Day, Chambers. Op. cit., p. 13.

²² Buck R. J. The Reforms of 487 B. C. in the Selections of Archons. — CPh, 1965, v. 60, № 2, p. 99 f.

²³ Keaney J. J., Raubitschek A. A Late Byzantine Account on Ostracism. — AJPh, 1972, v. 93, № 1, p. 87—91.

²⁴ Ibid., p. 90.

²⁵ Meyer Ed. Geschichte des Altertums. B. III. Stuttgart—Berlin, 1937, S. 740 f.; McCargar D. J. The Relative Date of Kleisthenes' Legislation. — Historia, 1976, B. 25, H. 4, p. 386.

ской обстановки в Афинах в конце VI в.²⁶ Однако при сложной политической обстановке в Совете могло возникнуть равенство сил, и тогда могли быть сразу изгнаны руководители обеих противоборствующих группировок, что абсурдно. Если же на стороне Клисфена было большинство Совета, то какой смысл был в установлении достаточности $\frac{2}{5}$ голосов? Гипотеза Д. Маккаргара представляется нам поэтому надуманной и необоснованной.

Можно выдвинуть предположение, что остракизм был введен Клисфеном для борьбы со своими политическими противниками в 508/7—507/6 гг., когда реформационная деятельность еще только начиналась и Совет пятисот не был избран. Поэтому еще функционировал Совет четырехсот, на который Клисфен мог вполне полагаться: ведь именно этот орган оказал сопротивление Клеомену и Исагору (Herod., V, 72; Ath. pol. 20, 3)²⁷. Простого большинства этого Совета (201 голоса) было достаточно для утверждения остракизма. После упразднения Совета четырехсот (а может быть, позднее) полномочия по изгнанию остракизмом были переданы Народному собранию. Возможно, что Гишпарх, сын Харма, первым был изгнан остракизмом именно Народным собранием, но, может быть, были какие-то причины отсрочки применения этого грозного оружия политической борьбы на два десятилетия (основные противники Клисфена — Исагор и его сторонники — были либо изгнаны, либо казнены, и реформы не наталкивались на сильную оппозицию). Однако в любом случае учреждение остракизма связано с клисфеновскими преобразованиями.

Как уже отмечалось, Аристотель датирует клятву булевтов 12-м годом перед Марафонской битвой²⁸, и тогда же «они (афиняне. — С. К.) начали избирать стратегов по филам, по одному из каждой филы, причем предводителем всего войска был полемарх» (Ath. pol. 22, 2). Нет никаких оснований, подобно Виламовицу²⁹, сомневаться в правильности сообщения Аристотеля. Существование должности стратега до Клисфена не зафиксировано: конечно, Аристотель называет Писистрата στρατηγός (Ath. pol. 22, 2), часто использует этот термин и Геродот (например, Писистрат получил стратегию для войны с мегарцами — Herod., I, 59), но, судя по контексту, στρατηγός в рассматриваемых случаях имеет более широкий смысл — военачальник вообще³⁰. Учреждение выборных стратегов вытекало из клисфеновских реформ — принцип выборности был распространен и на вооруженные силы (гражданское ополчение). В 507—501 гг.

²⁶ McCargar D. J. New Evidence for the Kleisthenic Boule. — CPh, 1976, v. 71, № 3, p. 248—252.

²⁷ И Геродот, и Аристотель говорят просто о Совете (Βουλή), не уточняя, каком именно. Теоретически существуют три возможности: Совет Ареопага, Совет четырехсот и новый, клисфеновский Совет пятисот. Предположение о том, что это был Совет пятисот (Schachermeyr F. Zur Chronologie der kleisthenischen Reformen. — Klio, 1932, 25, S. 334—337; Kienast D. Die innerpolitische Entwicklung Athens im 6. Jh. — Historische Zeitschrift, 1965, 200, S. 273) малообосновано. Даже если допустить, что клисфеновские реформы были одобрены до спартанской интервенции (что само по себе невероятно), невозможно поверить, чтобы Совет пятисот с его сложной избирательной системой мог так быстро быть организован. Более серьезные основания имеет отождествление с Советом Ареопага (Ehrenberg. From Solon to Socrates, p. 87; Hignett C. A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B. C. Oxf., 1952, p. 128; Garcia Moreno. Op. cit., p. 104; Oliva P. The Birth of Greek Civilization. L., 1981, p. 148). Однако, как нам представляется, для Клеомена и Исагора большую опасность представлял Совет четырехсот, который избирался более демократическим путем и который Исагор должен был стремиться распустить в первую очередь, а не Ареопаг, членом которого Исагор должен был стать после окончания срока архонства. Демос к тому же скорее бы пошел за Советом четырехсот, чем за Ареопагом (см. Cloché P. La Boulé d'Athènes en 508/7 avant J.-C. — REG, 1924, v. 37, № 1, p. 1—26; Rhodes. Op. cit., p. 209).

²⁸ Rhodes P. J. A Commentary on the Aristotelian «Athenaion Politeia». Oxf., 1981, p. 263 f.

²⁹ Wilamowitz-Moellendorf. Op. cit., B. II, S. 78.

³⁰ Fornara Ch. W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971, p. 5—8.

ополчение строилось уже на основе новых 10 фил, но командование осуществлялось по-старому (возможно, оно находилось в руках филархов³¹). После введения стратегии общее руководство находилось в руках архонта-полемарха, но конкретным командованием военными операциями занимались стратеги: в качестве примера можно указать на Марафонскую битву (Herod., VI, 104—114).

Андротсион (FGrH, 324 F 5; 36) утверждает, что Клисфен учредил аподектов (сборщиков налогов и пошлин) вместо колакретов, и некоторые исследователи признавали достоверность этого утверждения³². Но в последние время были выдвинуты обоснованные возражения: колакреты как финансовые магистраты существовали по крайней мере до 416/5 г. (IG, I², 19, 338), а первое упоминание об аподектах относится к 418/7 г. (IG, I², 94)³³. Поэтому сообщение Андротсиона не соответствует действительности.

Более сложным представляется вопрос об учреждении пританий. Поскольку Совет пятисот был слишком громоздок для постоянного управления государством, создается комитет из 50 пританов («председателей»), которые постоянно находились в толосе — здании, примыкавшем к булеверию, где заседал Совет (Ath. pol. 43, 2; 62, 2). Исполняли обязанности пританов члены Совета от определенной филы поочередно, и поэтому афинский гражданский год делился на 10 месяцев³⁴. Главной задачей пританов было рассмотрение текущих дел в промежутках между заседаниями Совета и Народного собрания. Их функции хорошо известны по более поздним источникам (например, IG, I², 16; Plat., Gorg. 516 d—e), но дискуссионным остается вопрос о времени зарождения этого института: входил ли он в число клисфеновских нововведений или основателем его нужно считать Эфиальта либо Перикла. Филохор (FGrH, 328 F 30) упоминает пританию в связи с введением остракизма. Но это свидетельство аттидографа не позволяет более точно датировать установление пританий, чем временем до 462/1 г.³⁵

Итак, к числу клисфеновских реформ, по нашему мнению, следует причислить реформу фил и образование демов и триттий, учреждение Совета пятисот и стратегии, а возможно, и введение остракизма. Учреждение пританий, а также утверждение присяги членов Советов пятисот, вероятно, произошли уже после смерти Клисфена (или его ухода от политической жизни), но тем не менее они «вписываются» в программу реформ, представляя их логическое завершение. Конечно, реформы 80-х (избрание архонтов по жребию) и 60—50-х годов V в. (ограничение роли Ареопага, введение оплаты магистратур) связаны с клисфеновскими реформами, но они представляют уже новый этап в развитии афинской демократии.

Источники не дают ясного и точного ответа на вопрос, кем принимались клисфеновские реформы, поэтому предполагались самые разные государственные органы. В начале XX в. господствовало мнение, что, только будучи архонтом, Клисфен мог проводить свои реформы³⁶. После обнаружения в 1930-х годах фрагмента списка архонтов³⁷ стало очевидно, что архонтом в последнее десятилетие VI в. Клисфен быть не мог, поскольку занимал эту должность в 525/4 г. Была также выдвинута гипотеза, что главную роль в подготовке и проведении реформ играла возглавляемая Клисфеном комиссия³⁸. Это, конечно, возможно, — ведь реформы долж-

³¹ Ibid., p. 10.

³² Wilamowitz-Moellendorf. Op. cit., B. I, S. 52.

³³ FGrH, T. IIIb, v. 1, p. 117—118; Rhodes. The Athenian Boule, p. 98 f.

³⁴ Meritt B. D. The Athenian Year. Berkeley, 1961.

³⁵ Подробно анализировавший это свидетельство Ф. Гшнитцер предлагает датировку: между 487/6 и 462/1 гг., принимая датой установления остракизма 488/7 г. (Gschntzner F. Prytanis.— RE, Supplbd. 13, 1973, Sp. 756—758).

³⁶ Wilamowitz-Moellendorf. Op. cit., B. I.

³⁷ Meritt B. D. An Early Archon List.— Hesperia, 1939, v. 8, № 4, p. 59—65.

³⁸ Beloch K. J. Griechische Geschichte. B. I, Abt. 2.— 2. Aufl. B., 1926, S. 327—333.

ны были быть подготовлены, требовало времени определение границ демов и состава триттий и фил, — но в нашем распоряжении нет никаких сведений о существовании подобной комиссии.

В последнее время стало преобладать мнение, что реформы Клисфена утверждались посредством псефисм — постановлений Народного собрания³⁹. С этим невозможно не согласиться. Народное собрание обладало важными полномочиями, признавалось в принципе (даже в период тирании) высшим органом государственной власти и могло принимать решения об изменениях в законодательстве. Это подтверждают свидетельства историков. Оратор IV в. Андокид сообщает о постановлении Народного собрания о запрещении пыток граждан, принятом при архонте Скамандрии (τὸ ἐπὶ Σκαμανδρίῳ ψήφισμα), очевидно, в 510/9 г. — совсем незадолго до реформ Клисфена (Andoc., De myst. 43). Казнь сторонников Исагора, конфискация их имущества и разрушение их домов также были совершенны, как сообщает схолиаст в «Лисистрате» Аристофана (стф. 273), по постановлению Народного собрания. Сообщение схолиаста восходит к подлинному афинскому декрету⁴⁰. Вывод первых афинских клерухий на Саламин (IG, I², 1) и в Халкиду (Herod., V, 77) в самом конце VI в. также осуществлялся по решению Народного собрания. Знаменитая Саламинская надпись (IG, I², 1) начинается словами: ἔδοξε τῷ δήμῳ — «решено народом». Наконец, замечание Аристотеля (АП 20, 1) о том, что Клисфен передал государственную власть в руки большинства, можно рассматривать как указание на решающую роль Народного собрания. И, по нашему мнению, именно здесь обсуждались и утверждались реформы, которые становились имеющими силу закона постановлениями Народного собрания. Возможно, Клисфен сам выдвигал их как частное лицо (или как член Ареопага), возможно, это делалось его сторонником-архонтом (например, Алкмеоном) — точных сведений у нас нет. Однако то, что традиция сохранила имя Клисфена, не случайно: очевидно, подлинным инициатором преобразований был он.

Тогда встает другой вопрос: какова была цель Клисфена, к чему он стремился, осуществляя реформы? Эту субъективную цель необходимо отличать от объективных последствий действий политика, которые значительно отличаются друг от друга. И цель Клисфена, и последствия его преобразований могут послужить ключом к пониманию сущности реформ, к выявлению поддерживающих реформы разнородных социальных сил, а также тех, кто выступал против преобразований.

Геродот полагал, что Клисфен «презирал ионийцев» и поэтому, подражая своему деду по матери Клисфену Сикионскому (который презирал дорийцев), переименовал филы в Афинах и увеличил их число (Herod., V, 67—69). В «Афинской политике» реформы Клисфена рассматриваются как этап в демократических преобразованиях: «После того как они (реформы Клисфена. — С. К.) были проведены, государственный строй (полιτεία) стал намного более демократическим, чем при Солоне» (Ath. pol. 22, 1). Клисфен стремился учитывать интересы демоса: «Клисфен издавал другие, новые законы, имея в виду (интересы) большинства» (Ath. pol. 22, 1). А в «Политике» прямо говорится, что Клисфен желал «укрепить демократию» (1319 b). Таким образом, по мнению Аристотеля, цель Клисфена — продолжить демократические преобразования, начатые Солоном, в интересах всего афинского демоса.

Конечно, трудно дать обзор всех точек зрения, высказанных историками XIX—XX вв. о цели клисфеновских реформ. Мы не будем касаться модернизаторских концепций, которые представляли Клисфена вырази-

³⁹ Wade-Gery. Essays..., p. 142—144; Hignett. A History..., p. 124—128; Lair. Op. cit., p. 20; Garcia Moreno. Op. cit., p. 104 sq.

⁴⁰ IG, I², p. 272.

телем интересов «торговой партии» или «нового класса капиталистов»⁴¹. Это давно прошедший этап и, если можно так выразиться, плюсквамперфект исторической науки. Многие историки идут по другому пути, присоединяясь к точке зрения древних авторов, и в частности Геродота, о том, что Клисфен в своих преобразованиях подражал деду⁴², несмотря на коренное отличие целей и методов обоих государственных деятелей. Однако большинство солидаризуются с Аристотелем в оценке Клисфена как демократического реформатора, действовавшего в интересах основной массы афинского гражданства⁴³. Такое мнение в целом верно, хотя и нуждается, как будет показано ниже, в определенных уточнениях.

П. Бикнелл, ссылаясь на Аристотеля, высказал предположение, что основной целью реформ Клисфена было увеличение числа граждан и скорейшая адаптация неополитов⁴⁴. Однако вряд ли в распоряжении Аристотеля были точные сведения о задачах, которые ставил Клисфен в своей реформаторской деятельности, и философ, несомненно, исходил из общей направленности его реформ. К тому же нам кажется необоснованным предположение о том, что Аристотель считал расширение гражданского коллектива главной целью клисфеновских преобразований. Обратимся к отрывкам, которые приводятся для обоснования указанной гипотезы.

Ath. pol. 21, 2: Клисфен хотел перемешать всех граждан, «чтобы они приняли участие в большем (числе) государственных дел» (ἵππος μετάσχωσι πλείους τῆς πολιτείας)⁴⁵. Многие исследователи, однако, понимают πολιτεία как «гражданство» («чтобы большее число разделило гражданство»), другие, переводя πολιτεία как «государственные дела», тем не менее утверждают, что «эти слова указывают на увеличение состава граждан»⁴⁶. Следует отметить, что в данном месте речь идет именно о реформе фил (а неополиты могли быть приняты только через демы), — так что и контекст не свидетельствует о правильности понимания πολιτεία в смысле «гражданство», «гражданские права». Такое употребление термина πολιτεία вообще нехарактерно для Аристотеля: более обычны «государство», «государственное устройство», «государственные дела»⁴⁷.

Ath. pol. 21, 4: «Он (Клисфен. — С. К.) сделал дематами всех жителей в каждом из демов, чтобы они не выделяли неополитов, называя имя отца (πατρόςθεν), но именовали (по названиям) демов». Здесь действительно идет речь о неополитах, но Аристотель не рассматривает их принятие в состав граждан как основную цель реформ. Обязательное использование названия дема вместо имени отца рассматривается как средство их успешной адаптации (хотя надписи показывают, что после клисфеновских реформ применялись оба способа наименования граждан).

«Политика», 1319 b: «Чтобы установить этот вид демократии (радикальную демократию. — С. К.) и усилить демос, ее руководители обычно стараются принять в свою среду как можно больше людей и сделать гражданами не только законнорожденных, но и незаконных и даже таких, у кого один из родителей имеет гражданские права — отец или мать. Дело в том, что все эти элементы особенно сочувствуют такой демократии... Еще для

⁴¹ Например: *Beloch*. Griechische Geschichte. В. I, Abt. 2, S. 327—333; *Ure P. N.* The Origin of Tyranny. N. Y., 1962, p. 61 f. См. также: *Лурье С. Я.* История античной общественной мысли. М.—Л., 1929, с. 147.

⁴² *Schaefer*. Op. cit., S. 479—503; *Schefold K.* Kleisthenes.— *Museum Helveticum*, 1946, v. 3, fasc. 2, S. 73.

⁴³ *Ehrenberg V.* Origins of Democracy.— *Historia*, 1950, 1, S. 541—543; *Wade-Gery*. Essays..., p. 135—154; *Hignett*. Op. cit., p. 156—158.

⁴⁴ *Bicknell P. J.* Whom Did Kleisthenes Enfranchise.— *Parola del passato*, 1969, 124, p. 34—39.

⁴⁵ Благодарю Ю. Г. Виноградова за корректировку перевода.

⁴⁶ *Аристотель*. Афинская полиция: Государственное устройство афинян/Пер. и комм. Радцига С. И. М.—Л., 1936, с. 50.

⁴⁷ См. подробный комментарий: *Rhodes*. A Commentary..., p. 250.

подобной демократии полезны и такие приемы, которыми воспользовались: в Афинах Клисфен, когда захотел иметь демократию, и те, которые стремились установить власть демоса в Кирене. Ведь нужно создавать новые и увеличивать число фил и фратрий, частные культы надо объединить в небольшое количество и сделать их общими, и надо делать всевозможные ухищрения, чтобы все как можно больше перемешались между собой, а прежние объединения должны быть разрушены»⁴⁸.

В данном отрывке нет прямой связи между темой о приеме новых граждан и деятельностью Клисфена. Тем более что речь идет о тех, у кого только отец или мать — граждане, а вряд ли эта категория претендентов на гражданство была значительной в конце VI в. Аристотель здесь явно обобщает опыт различных преобразователей. Это подтверждает и заключительная фраза, где реформы Клисфена (создание новых фил) перечислены вместе с преобразованиями, проведенными в Кирене и затронувшими фратрии и частные культы (жречества), — из «Афинской политики» (21, 6) известно, что Клисфен не затронул ни фратрий, ни жречеств⁴⁹.

«Политика», 1275 b: «Но, может быть, наибольшую трудность представляет вопрос о тех, кто принимал участие в государственном перевороте (*οσοι μετέσχον μεταβολής γενομένης πολιτείας*). Вот что сделал в Афинах Клисфен после изгнания тиранов: он включил в филы многих иноземцев и рабов (и?) метеков (*πολλοὺς γὰρ ἐφέλετοσε ξένους καὶ δούλους μετοίκους*)). Последнее предложение остается не совсем понятным: ясно только, что Клисфен, как считает Аристотель, включил в филы многих иноземцев. Сословия метеков в доклизфеновское время не существовало; высказывалось предположение, что оно было создано Клисфеном, но первое упоминание об афинских метеках как о сословии относится к 460-м годам (IG, I², 188. 52)⁵⁰. Говорить о получении гражданских прав рабами в VI в. невозможно. Исследователями было выдвинуто немало объяснений этого места⁵¹; остановимся на некоторых из них, наиболее правдоподобных.

Еще М. С. Куторга предложил прочтение: «Клисфен ввел в колена многих метеков иностранцев и многих метеков рабов»⁵². Но такое прочтение основывалось на ошибочном предположении о существовании сословия метеков (причем разделенном на два разряда) до Клисфена. Матье предложил вставить *ἐποίησε (καὶ δούλους <ἐποίησε> μετοίκους)*, т. е. Клисфен включил в филы иностранцев, а рабов сделал метеками⁵³, но его гипотеза порождает некоторые грамматические неувязки⁵⁴. По мнению Хигнета, выражение «рабы-метеки» имело презрительный оттенок и относилось к гектеморам⁵⁵. Вряд ли, однако, Аристотель мог пользоваться столь «сниженной» терминологией в своем теоретическом труде, хотя выражение «рабы-метеки» обычно для языка IV в.⁵⁶ По мнению Бикнелла, *ξένοι* — это наемники тиранов, потерявшие права гражданства в результате диапсефисмы после свержения тирании, но затем перешедшие на сторону Клисфена и получившие их вновь⁵⁷. Такое предположение слишком гипотетично и не находит подтверждения в источниках.

⁴⁸ Аристотель. Политика/Пер. Жебелева С. А. М., 1911.

⁴⁹ Глушкина Л. М. Фратрия и род в структуре афинского полиса в IV в. до н. э. — ВДИ, 1983, № 3, с. 43.

⁵⁰ См. Whitehead D. The Ideology of the Athenian Metic. Camb., 1977, p. 144 — 146. Термин «метеки» употреблялся в надписях и до 510 г., но в них он не имел «формального» значения (ibid., p. 64, 168).

⁵¹ Обзор их см.: Доватур. Политика..., с. 128 сл.; Weil R. Aristote et l'histoire: Essai sur la «Politique». P., 1960, p. 258 suiv.

⁵² Куторга М. С. Собр. соч. Т. I. Спб., 1894, с. 229, 470, 500.

⁵³ Цит. по: Доватур. Политика..., с. 355.

⁵⁴ Weil. Op. cit., p. 258 suiv.

⁵⁵ Hignett. Op. cit., p. 133.

⁵⁶ Davies J. C. Athenian citizenship. — CJ., 1977/8, v. 73, № 2, p. 116.

⁵⁷ Bicknell. Op. cit., p. 34—39.

Подводя итог, следует отметить, что хотя Аристотель и писал о приеме новых граждан (и даже «многих») во время клисфеновских реформ, он не рассматривал это мероприятие как главную цель преобразователя. По его мнению, это одно из средств (наряду, например, с «перемешиванием» граждан) для усиления централизации государства⁵⁸. Сообщения Аристотеля не совсем ясны и восходят, очевидно, к аттидографической традиции, а не к записи текста реформ. Характерно, что тенденция связывать клисфеновские реформы с увеличением числа граждан значительно яснее проявляется в теоретическом труде — «Политике», а не в носящей более прикладной характер «Афинской политике». Это можно объяснить тем, что философ в данном случае исходил из общей теории о демократизации государства при увеличении числа граждан, а сведения о приеме новых граждан при Клисфене рассматривались как иллюстрация этого положения⁵⁹. Действительно, в IV в. демократические перевороты часто сопровождались увеличением числа граждан, однако для VI—V вв. это нехарактерно (можно указать на проверку гражданских списков при Перикле во время полного господства демократии в Афинах). Поэтому сообщение о предоставлении прав гражданства (в широком масштабе) иноземцам и даже рабам очень сомнительно. Было бы странно, если бы Народное собрание, одобрившее около 510 г. уменьшение числа граждан (Ath. pol. 13, 5), вдруг резко изменило свою позицию и одобрило бы массовый прием неополитов. Право гражданства уже в VI в. до н. э. было привилегией, которую неохотно распространяли на «чужаков».

Традиция о приеме неополитов при Клисфене основывалась, очевидно, на факте возвращения гражданских прав тем категориям зависимого сельского населения Аттики, которые получили их при тиракии и лишились в результате диапсефисмы около 510 г. Возможно, гражданство было предоставлено также небольшому числу иноземцев-ремесленников. Реформы Клисфена не вытекали из необходимости приема и адаптации новых граждан, хотя и сопровождались некоторым увеличением гражданского коллектива.

Мы попытаемся дать собственную интерпретацию цели клисфеновских преобразований (конечно же, на основе достижений предшествующей историографии). Поскольку в нашем распоряжении нет другого материала, цели Клисфена будут реконструироваться на основе анализа самих преобразований. Несмотря на фундаментальный характер клисфеновских преобразований, их нельзя рассматривать в отрыве от конкретной политической борьбы конца VI в. Провозглашая программу реформ, Клисфен рассчитывал (и совершенно обоснованно) приобрести поддержку демоса. Следовательно, преобразования должны были учитывать интересы большинства афинского гражданства. С другой стороны, Клисфена как политика трудно заподозрить в альтруизме: его политическая карьера свидетельствует как раз об обратном (он сначала был архонтом при Гиппии, но впоследствии стал главным организатором свержения тирана; одно время был союзником спартанцев, но затем вступил в борьбу с их ставленником Исагором и т. д.). Поэтому Клисфен не мог не позаботиться об интересах своего геноса — Алкмеонидов и шире — об интересах тех афинских аристократов, которые его поддерживали.

В результате клисфеновских реформ самой мелкой административной единицей стал дем. Дем был территориальной единицей: его членами были все граждане, проживавшие на его территории, вне зависимости от принадлежности к тому или иному геносу. Жители дема избирали демарха, членов Совета пятисот, удостоверяли гражданство и т. п. Учреждение демов способствовало разрыву отношений зависимости, которые могли

⁵⁸ Day, Chambers. Op. cit., p. 34; Broadbent M. Studies in Greek Genealogy. Leiden, 1968, p. 165—167.

⁵⁹ Day, Chambers. Op. cit., p. 111.

связывать (или реально связывали) земледельцев со знатью — не обязательно аристократ оказывался в одном и том же деме с зависимым от него населением. Введение демотикона вместо патронима должно было способствовать осознанию демотами своего единства, а также тому, чтобы аристократы не выделялись из массы граждан.

Создание демов — этой основы демократического строя, его фундамента, было одним из наиболее радикальных клисфеновских преобразований. Но при всем этом Клисфену не было свойственно стремление к излишним нововведениям. Демы — не искусственные образования, а селения, деревни, которые существовали задолго до Клисфена⁶⁰. При отсутствии в историческое время в Аттике сельских общин они могли выполнять некоторые административные функции, что и было развито и закреплено клисфеновским законодательством. Только в самих Афинах большинство демов было образовано искусственным путем.

Принцип наследственного членства в демах может показаться неожиданным или даже противоречащим самому характеру реформ. Но это не так: старые родовые связи были уже подорваны, и наследственный характер принадлежности граждан к *территориальным* демам никак не смог способствовать их возрождению. Наследственное членство в демах было необходимо для поддержания равного представительства от всех фил в Совете пятисот, а главное: для сохранения политического единства афинского гражданства клерухи оставались членами аттического дема (а клерухии не были далекой перспективой: первые из них были выведены уже при Клисфене). Кроме того, один из принципов клисфеновского законодательства заключался в том, что новое, коренным образом отличающееся от старого по содержанию, должно напоминать его по форме или по какой-либо детали⁶¹. Поэтому в новых, территориальных демах сохранялся старый, родовый принцип наследственного членства и многие из новых демов получили «родовые» названия (Бутады, Пэониды, Титакиды, Эврипиды и т. п.). Об этом пишет и Аристотель: «(Клисфен) назвал одни демы (по названиям) мест, а другие — по (именам) основателей, так как не все они (геносы основателей. — С. К.) были могущественны в этих местах» (Ath. pol. 21, 5).

Сложная система новых фил, которые включали триттии из разных частей Аттики, не могла не быть целенаправленной, и еще Аристотель указал, что одной из ее задач было перемешать население (Ath. pol. 21, 3). Аристотель стремился показать, что ее целью было смешение старых граждан с неополитами. В действительности цель Клисфена была и обширнее, и глубже: он стремился «перемешать» все население Аттики для того, чтобы разорвать отношения зависимости, которые связывали аристократов-землевладельцев с зависимым от них (если не экономически, то политически) населением. При этом немалое внимание уделялось и местным культам, которые играли большую роль в политической жизни архаических Афин, часто будучи связанными с тем или иным аристократическим родом⁶². Этим Клисфен буквально выбивал почву из-под ног своих противников из числа знати и уничтожал саму возможность существования политических группировок на локально-родовой основе. Данную мысль можно проиллюстрировать конкретным примером.

Одним из легендарных «городов Кекропа», о которых сообщает Страбон (IX, 1, 20), был Тетраполис на востоке Аттики. Тетраполис состоял из четырех демов — Марафона, Ойной, Трикорита и Пробалинта, которые

⁶⁰ Следующие демы известны до клисфеновских реформ: Коллит (АП 14,4), Мелита (Plut., Sol. 10), Скамбониды (Paus., I, 38, 2), Керамик (Керамейо) (Thuc., V, 57,1) и т. д. См. Raubitschek A. Dedications from the Athenian Acropolis. Cambr. Mass., 1949, p. 467 f.; Bicknell P. J. Athenian politics and genealogy. — Historia, 1974, B. 23, H. 2, p. 147.

⁶¹ Зельин. Ук. соч., с. 135.

⁶² Там же, с. 130—154.

составляли культовое единство и направляли (отдельно от Афин) посольства в Дельфы и на Делос вплоть до I в. до н. э. Известно, что в Тетраполисе большим влиянием пользовались Писистратиды. Поэтому крупный дем Пробалинт в результате реформ был от Тетраполиса отделен, а вместо него присоединен Рамнунт, имевший совершенно иные культы и традиции. Пробалинт не был присоединен к ближайшей прибрежной триттии Эгеиде (где также было сильным писистратидское влияние), но к более отдаленной — Пандиониде — и стал своеобразным анклавом ⁶³.

Такой случай не единичен, и интересно, что подобные аномалии появляются именно в местах существования древних и влиятельных культов (дем Тетракоми, выделенный в анклав ⁶⁴, триттия Эгеида, в которой были соединены два культовых центра с совершенно разными традициями ⁶⁵). Ясно, что Клисфен стремился покончить с влиянием аристократических группировок на определенные культовые центры и лишить таким образом эти группировки локальной опоры. При этом следует отметить, что Алкмеониды не были связаны с каким-либо локальным культом ⁶⁶ и поэтому ничего не теряли. Реформа была направлена против тех аристократов, которые сохраняли владения и влияние в сельских местностях Аттики. Интересно, что места культа Эрехтея, Кекропа и Аякса оказались вне границ соответствующих фил (Эрехтеиды, Кекропиды, Эантиды). Вряд ли такое несовпадение являлось случайностью, поскольку оно уж очень соответствовало стремлению Клисфена сделать филу новой территориальной общностью, со своими культами, не связанную с районами старых культовых центров ⁶⁷. В связи с этим встает вопрос: использовал ли вообще Клисфен жеребьевку при распределении триттий по филам ⁶⁸?

Еще несколько десятилетий назад подобный вопрос сочли бы надуманным. Ведь из «Афинской политики» (21, 2—4) следует, что после разделения каждой из частей Аттики на 10 триттий эти триттии были распределены (по одной от каждой части) между 10 филами жеребьевкой. Но на основании исследования более поздних надписей, содержащих списки членов Совета пятисот с их демотиконом (а от численности населения дема зависело его представительство в Совете), Элиот установил, что триттии довольно значительно (до 27%) отличались друг от друга по численности населения, причем триттии прибрежной части Аттики были обычно наибольшими, а триттии города — наименьшими ⁶⁹. При использовании жребия филы должны были бы оказаться разными по численности. Но это нарушило бы принцип равного представительства, так как от каждой филы выбиралось 50 членов Совета — $\frac{1}{10}$ часть. Кроме того, анализ надписей позволяет предположить, что филы, во всяком случае во времена Клисфена, были примерно одинаковыми по численности населения. Из этого следует, что если жребий и применялся, то крайне ограниченно, — возможно, при выборе между равными по населению триттиями. Основную роль играл именно целенаправленный отбор. Что касается Аристотеля, то его либо ввела в заблуждение аттидографическая традиция, либо он предпо-

⁶³ Lewis. Cleisthenes and Attica, p. 31.

⁶⁴ Ibid., p. 32.

⁶⁵ Артемиды Брауронской (связан с Писистратидами) и Зевса Карийского (связан с Исагором) (*Herod.*, V, 66). См. Garcia Moreno. Op. cit., p. 111. Не хотел ли в данном случае Клисфен «нейтрализовать» их покровителей?

⁶⁶ Lewis. Cleisthenes and Attica, p. 37.

⁶⁷ Старые аттические филы, вопреки мнению некоторых ученых (*Kienast*. Op. cit., S. 274—276), не были территориальными единицами (см. *Ath. pol.* 21,2).

⁶⁸ О том, что жеребьевка не использовалась при распределении демов по триттиям, говорят вышеприведенные примеры, а также тот неоспоримый факт, что демы одной и той же триттии почти всегда соприкасались друг с другом, что было бы невозможно при использовании жребия. См. Löper R. Die Trittyen und Demen Attikas.— *Athenische Mitteilungen*, 1892, 17, S. 328—333.

⁶⁹ Eliot C. W. J. Cleisthenes and the Creation of the Ten Phylai.— *Phoenix*, 1968, v. 22, № 1, p. 3—17.

ложил жеребьевку, учитывая ее распространенность в практике афинской демократии начиная с V в.

В старых работах часто подчеркивалась искусственность новых фил; намеренная разобщенность триттий одной и той же филы ⁷⁰. В действительности Клисфен стремился, насколько это было топографически возможно, к тому, чтобы приморская и внутренняя триттия одной и той же филы составляли единую территорию — из рассмотренных Элиотом пяти фил в трех приморская и внутренняя триттии граничат друг с другом ⁷¹. Это служит еще одним аргументом против факта применения жребия и свидетельствует о том, что Клисфен не стремился к обязательной сепаратизации частей фил, но делал это лишь в случае политической необходимости. Клисфен, разрывая традиционные отношения зависимости и действуя в интересах сельского демоса, одновременно наносил удар по позициям своих политических противников. Однако какие меры были проведены в интересах его непосредственных сторонников?

Некоторые западные исследователи упрекают Клисфена в том, что он прибегал к «предвыборным махинациям», ставил в более выгодное положение своих «клиентов», стремясь обеспечить Алкмеонидам господство в Совете пятисот. А поскольку его «клиенты» жили в Афинах и окрестностях, город имел якобы непропорционально большое представительство в Совете пятисот ⁷². Однако, согласно исследованию П. Бикнелла, подобную непропорциональность можно предположить лишь в четверти из общего числа демов, причем преимущественно негородских ⁷³. Так, упомянутые уже Марафон, Рамнунт, Трикорит, где было сильным влияние Писистратидов, давали значительно меньше булевтов, чем можно было бы ожидать, исходя из предполагаемой численности их населения, а Афишна, родина Гармодия и Аристокитона, — намного больше. Таким образом, здесь прослеживается стремление ослабить сторонников тиранов, а не предоставить преимущества предполагаемым клиентам Алкмеонидов. Будучи дальновидным политиком, Клисфен не мог не понимать, что в борьбе со своими противниками и при проведении крупномасштабных преобразований он не может опираться лишь на узкий круг своих непосредственных сторонников ⁷⁴, но должен привлечь на свою сторону как демос, так и некоторые другие социальные слои.

Однако вряд ли следует сомневаться в том, что сторонники Алкмеонидов («700 семейств»? — *Ath. pol.* 20, 3; *Herod.*, V, 72) были жителями Афин или пригорода; часть неополитов (ремесленники, торговцы), также проживала в городе. Конечно, жителям Афин было проще посещать Народное собрание или собрание граждан филы, но в то время Народные собрания созывались редко, не чаще раза в месяц, и ключевые вопросы политической жизни Афин решались значительным большинством граждан.

Важно другое: к концу VI в. подавляющее большинство аттических аристократов жило в самих Афинах. Они составляли ничтожный процент населения Аттики, но были представлены в каждой новой филе ⁷⁵. Аттическая знать не была единой и сплоченной группировкой. Наряду с традиционными землевладельцами, противниками каких-либо перемен, которые были серьезно ослаблены в результате поражения группировки Исагора и последовавших за этим казней и изгнаний, были аристократы,

⁷⁰ Например: *The Cambridge Ancient History*. V. IV. Cambr., 1926, p. 143.

⁷¹ *Eliot C. W. J. Coastal Demes of Attica: A Study of the Policy of Kleisthenes*. Toronto, 1962, p. 144.

⁷² *Sealey*. *Op. cit.*, p. 173; *Beloch*. *Griechische Geschichte*. B. I, Abt. 2, S. 329—331.

⁷³ *Bicknell P. J. Studies in Athenian Politics and Genealogy*. Wiesbaden, 1972, p. 35—45.

⁷⁴ *Ghinatti F. I gruppi politici ateniesi fino alle guerre persiane*. Roma, 1970, p. 112 sq.

⁷⁵ См. *Gomme A. W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Century B. C.* 2nd. ed. Chicago, 1967, p. 37—39; *Bradeen D. W. The Tritities in Cleisthenes' Reforms*. — *TAPhA*, 1955, v. 86, p. 22—30.

подобно Алкмеонидам основывавшие свое богатство на торговле, подрядных операциях и т. п., были и такие, которые понимали необходимость перемен, невозможность сохранения старых традиций и порядков и стремились «приноровиться» к демократии, сохранив при этом свои политические и экономические позиции. Именно их в значительной степени имел в виду Клисфен при проведении своих реформ. Это утверждение, казалось бы, противоречит тому бесспорному факту, что клисфеновские преобразования проводились в интересах афинского демоса. Действительно, Народное собрание было высшим органом государства, действительно, Булевты, стратеги и другие магистраты избирались при Клисфене голосованием, но до времени Эфиальта—Перикла *магистратуры не оплачивались*. Значит, выборные должности *реально* могли занимать либо аристократы, либо представители наиболее зажиточных слоев демоса. Реформы Клисфена объективно (какими бы ни были намерения реформатора) способствовали сплочению аристократии и верхушки демоса в единый класс рабовладельцев. Но у кормила власти в Афинах вплоть до Клеона оставались аристократы, которые помимо богатства, обладали престижем, политическим и военным опытом, могли опираться на свой генос (который, кстати говоря, не был затронут реформами Клисфена). В этой связи становится понятным стремление Клисфена к тому, чтобы в каждой филе была городская триттия: таким образом, аристократы — жители Афин — могли быть избраны стратегами от каждой из фил и, кроме того, быть представленными в каждой притании Совета пятисот.

Совет имел важное значение в политической жизни. Хотя большинство афинских магистратур можно было занимать один раз в жизни, булевтом можно было быть дважды (Ath. pol. 62, 2); впрочем, до римского времени это случалось крайне редко ⁷⁶. В отличие от более позднего времени, булевты при Клисфене избирались ⁷⁷. За свою жизнь по крайней мере треть афинских граждан становилась членами Совета пятисот, приобретаая таким образом политический опыт ⁷⁸. Совет был демократическим учреждением, и поэтому совершенно необосновано предположение о том, что «клятва булевтов» знаменовала уменьшение их полномочий в пользу Народного собрания якобы в целях большей демократизации государственного строя Афин. Данная гипотеза, предложенная Дж. Ларсеном, противоречит здравому смыслу и не находит подтверждения в источниках. В самом деле, зачем Клисфену (или его последователям) всего через несколько лет после учреждения Совета пятисот нужно было изменять его функции? Ларсен стремился доказать, что Клисфен установил в Афинах на несколько лет «представительную форму правления» и сделал Совет пятисот высшим органом государства ⁷⁹.

Конечно, Совет пятисот был важным органом управления, имевшим право пробулевсиса (предварительного рассмотрения повестки дня Народного собрания). Судебные функции он приобрел позже, при Эфиальте ⁸⁰. Конечно, основную часть Совета пятисот при Клисфене составляли представители верхушки демоса (поскольку булевты не оплачивались), аристократы же были в меньшинстве (их было не так много, да и выборы проводились по демам, а аристократы проживали далеко не во всех демах). Цель Клисфена вовсе не состояла в том, чтобы предоставить аристократам какие-либо юридические преимущества или формально обеспечить им преобладание в том или ином органе государственного управления. Такая задача была бы невыполнимой в условиях роста влияния демоса, да и вряд

⁷⁶ Rhodes. The Athenian Boule, p. 3.

⁷⁷ Ibid., p. 12.

⁷⁸ Bonner R., Smith G. The Administration of Justice from Homer to Aristotle. V. 1. Chicago, 1930, p. 193.

⁷⁹ Larsen. Representative Government..., p. 14—18; ср. Woodhead A. G. Isegoria and the Council of 500. — Historia, 1967, B. 16, H. 2, p. 129—140.

⁸⁰ Laix. Op. cit., p. 21; Rhodes. The Athenian Boule, p. 193 f.

ли в интересах самих Алкмеонидов — в среде аттической знати у них было слишком много врагов. Клизфен стремился к сближению интересов значительной части аристократии, понимавшей необходимость перемен, с интересами демоса, особенно его зажиточной части. *Объективно* его стремление было стремлением к формированию единого класса рабовладельцев. Хотя *субъективно* он, очевидно, стремился к тому, чтобы род Алкмеонидов играл ведущую (или по крайней мере видную) роль в политической жизни Афин, и — шире — к тому, чтобы *отдельные* представители аристократии (а не аристократия как социальный слой) играли ведущую роль в политической жизни Афин при новом *демократическом* режиме.

С этими стремлениями, казалось бы, не вяжется введение остракизма, в результате которого столь часто прерывалась карьера политических деятелей-аристократов, и в том числе Алкмеонидов. Есть даже предание, хотя и малодостоверное, что сам Клизфен был изгнан остракизмом (Aelian., Var. hist. XIII, 24). Однако введение остракизма имело смысл: он был необходим Клизфену для борьбы как со сторонниками тиранов, так и с группировкой Исагора. На подобном средстве обуздания политических лидеров мог настаивать и демос. Введение остракизма означало также внесение в политическую борьбу в Афинах определенных «правил игры»: остракизм затрагивал одного человека, а не весь его род и не сопровождался конфискацией имущества. Вопреки мнению Аристотеля (Ath. pol. 16, 10), изгнание заподозренных в стремлении к тирании вместе с их родом в VI в. и ранее не было мягким наказанием. Алкмеониды, которые не раз изгонялись из Афин, чье имущество конфисковывалось и чьи могилы осквернялись⁸¹, были в первую очередь заинтересованы в подобном законе.

Следует указать еще на одну особенность преобразований Клизфена: стремление к тому, чтобы реформы были традиционными по форме; изменения должны были затронуть самое необходимое. Старые, родовые институты не упразднялись — они продолжали существовать для религиозных нужд. Об этом ясно пишет Аристотель: «Он (Клизфен. — С. К.) предоставил (афинянам) иметь и роды, и фратрии, и жречества (*ἱερῶνάωναι*), каждые — по старине (*κατὰ τὰ πατρία*)» (Ath. pol. 21, 6). Новый гражданский календарь, разделивший год на 10 месяцев по числу пританий, сосуществовал со старым, лунным, использовавшимся для культовых нужд. Главное для Клизфена заключалось в том, что традиционные институты не играли сколь-нибудь заметной роли в общественно-политической жизни Афин и не угрожали новому порядку.

После реформ Клизфена в Афинах установился режим рабовладельческой демократии — с ведущей ролью Народного собрания, выборностью магистратур (хотя для большинства граждан они оставались еще недоступными ввиду их неоплачиваемости) и т. д. Однако сам термин «демократия» (*δημοκρατία*) стал употребляться для обозначения существовавшей в Афинах формы государственного строя позже, примерно с середины V в.⁸² Как же называли современники послеклизфеновское государственное устройство в Афинах?

Исследователи уже давно обратили внимание на слово *ἰσονομία* (исономия, равенство перед законом) и родственные ему, которые встречаются в текстах, относящихся к рассматриваемому периоду. Прежде всего следует указать на сохранившийся в нескольких вариантах (fr. 10—13 Diehl) сколий в честь Гармония и Аристоклитона, о которых говорится, что «они убили тирана и сделали Афины *ἰσονόμοις*». Скорее всего, он возник одновременно со сколием о битве при Лейпсидрии — в самом конце VI или

⁸¹ *Thuc.*, I, 126, 12. Ср. *Jeffery L. H.* The Inscribed Gravestones of Archaic Athens. — ABSA, 1962, 57, p. 147.

⁸² *Debrunner A.* Demokratia. — In: *Festschrift für E. Tièche.* Bern, 1947, S. 11—24; *Ehrenberg.* Origins of democracy..., S. 530—537; *Larsen.* The Judgement..., p. 1—2; *Will Ed.* Le monde grec et l'Orient. T. 1. P., 1972, p. 448.

в начале V в.⁸³ От того же периода до нас дошел фрагмент труда кротонского философа Алкмеона (интересное совпадение с именем родоначальника Алкмеонидов), в котором фигурирует исономия (fr. В 4 Diels)⁸⁴.

Однако было бы преждевременно на основании этих косвенных данных рассматривать исономию как наименование установленного Клисфеном государственного устройства, как первую ступень демократии. Характерно, что в процитированном выше сколии исономия противопоставляется тирании. Для сопоставления можно отметить, что Геродот рассматривает исономию как порядок, противоположный тирании, и подразумевает под ней как демократию, так и аристократию (Herod., III, 80, 142)⁸⁵. Исономия — это не определенная форма правления, а идеал полисного устройства, при котором все граждане имеют равные права.

Конечно, гипотеза об исономии в клисфеновских Афинах останется лишь гипотезой до тех пор, пока не будут обнаружены новые источники. Однако следует признать, что термин «исономия» верно характеризует установившийся в результате реформ Клисфена государственный строй: формальное равенство перед законом при неоплачиваемости магистратур обеспечивало преимущество в политической жизни аристократии и верхушке демоса. Но все-таки это уже была первая ступень демократии, хотя и демократия во главе с аристократами. Дальнейшая демократизация Афин была естественным продолжением процесса, начатого Клисфеном. Этот процесс уже не зависел ни от Клисфена, ни от Алкмеонидов, а определялся дальнейшим ростом политического значения демоса. Подтверждением этого тезиса может служить ход социально-политической борьбы в Аттике на рубеже VI—V вв.

После провала похода Клеомена политическое положение Клисфена и его сторонников было, казалось бы, необычайно прочным: его внутренняя политика и реформаторская деятельность пользовались поддержкой значительного большинства афинских граждан. Укрепить престиж Клисфена и его сторонников должен был также вывод клерухий, которые удовлетворяли потребности демоса в земле. Первые клерухии были выведены на Саламин и в Халкиду. В Халкиде около 507/6 г. было поселено 4000 клерухов (Herod., V, 77). Интересно, что в надписях из соседней Эретрии, дружественной Афинам, встречается больше упоминаний характерных для Алкмеонидов имен (Клисфен, Калликсен, Аристоним, Мегакл и т. п.), чем где-либо в Греции, в том числе в самой Аттике⁸⁶. Это может свидетельствовать о непосредственном участии Клисфена в основании клерухии. Незадолго до нее была основана клерухия на Саламине: до нас дошла часть стелы с записью постановления Народного собрания по этому поводу⁸⁷; продолжением этой же политики явился вывод клерухии на Лемнос Мильтиадом Младшим (Herod., VI, 136, 140). О благополучном положении Алкмеонидов свидетельствует и окончание в первые годы V в. строительства дельфийского храма⁸⁸.

Главной задачей афинской внешней политики была нейтрализация спартанской угрозы, которая оставалась реальной и после распада антиафинской коалиции под Элевсином. У новых Афин еще не было сильных союзников в Греции, и поэтому было решено обратиться за помощью к Персии. Было отправлено посольство в Сарды к брату Дария Артафрену,

⁸³ Ehrenberg. *Origins of democracy...*, p. 530 f.

⁸⁴ Lévéque P., Vidal-Naquet P. *Clisthène l'Athénien*. P., 1964, p. 100.

⁸⁵ Waters K. H. *Herodotos and Politics*. — GR, 1972, 19, p. 150; Карпюк С. Г. Отношение Геродота к тирании как к форме правления. — В кн.: Из истории западноевропейской культуры. М., 1979, с. 41—45.

⁸⁶ Cromeley R. D. *Kleisthenes' Fate*. — *Historia*, 1979, В. 28, Н. 2, p. 146.

⁸⁷ Надпись эта неоднократно публиковалась и комментировалась. См. IG, I², 1; Лурье С. Я. Древнейшие аттические надписи, № 4. — В кн.: *Вспомогательные исторические дисциплины*. М. — Л., 1937; *A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the 5th Century B. C./Ed. by Meiggs R., Lewis D.* Oxf., 1969, № 14.

⁸⁸ Scheffold. *Kleisthenes...*, S. 68—73.

и послы согласились на союз с Персией при условии признания зависимости Афин от «великого царя». Однако по возвращении в Афины послам было предъявлено обвинение в превышении полномочий и договор не был утвержден (Herod., V, 73).

На основании этого сообщения Геродота иногда делается вывод о политическом поражении возглавляемой Алкмеонидами группировки после возвращения посольства⁸⁹. Конечно, определенные основания для этого есть: Алкмеониды были известны своими связями с Лидией, а затем с Персией. В Афинах существовало мнение (Herod., VI, 121, 123), что они пытались оказать содействие персам после битвы при Марафоне (но сам факт поднятия щита Алкмеонидами для сигнализации персам сомнителен)⁹⁰. Доказательством хорошего отношения к Алкмеонидам при персидском дворе может служить тот факт, что представители этого рода за время Пелопоннесской войны дважды направлялись послами в Персию⁹¹. Однако после развала антиафинской коалиции угроза военного вторжения в Аттику стала постепенно ослабевать, да и к тому же персы стали поддерживать Гиппия, переселившегося в их владения, в Сигей (Herod., V, 94). Все это делало невозможным сближение демократических Афин с Персией, тем более что условием примирения персы ставили возвращение Гиппия (Herod., V, 96). Афины вместе с союзной им Эретрией оказались единственными полисами Балканской Греции, пославшими флот на помощь ионийским повстанцам в 499 г., хотя это решение и было принято после острой дискуссии⁹².

Именно эти причины побудили Клисфена признать действия послов превышением полномочий, что, конечно, поколебало политические позиции Алкмеонидов. Однако следует отметить, что в конце VI в. борьба сторонников про- и антиперсидской ориентации не стояла еще на первом плане политической жизни Афин, да и само «персофильство» Алкмеонидов значительно преувеличивалось их противниками, что оказало влияние на историческую традицию⁹³.

Еще большие подозрения вызывают сообщения об остракизме Клисфена (Aelian., Var. hist. XIII, 24; ср. Cic., De leg. II, 41). Очевидно, все они имеют общий источник, возможно, Феофраста. Их передают поздние авторы, для которых сам факт изгнания Клисфена на основании введенного им самим закона был лишь поводом для общих морализующих рассуждений. Характерно, что существовала также традиция о Тесее как об основателе и первой жертве остракизма⁹⁴. Однако гораздо большего доверия заслуживает сообщение Павсания (I, 29, 6) о могиле Клисфена, «придумавшего деление на филы», рядом с захоронением павших на войне афинских всадников. Клисфен был захоронен в почетном месте, рядом с могилами граждан, павших в битве. Поэтому изгнание Клисфена маловероятно, хотя возможно, что в последние годы жизни он отошел от политической деятельности и умер в самом конце VI или начале V в.

Итак, реформы Клисфена теснейшим образом были связаны с социально-политической борьбой в Афинах в последние годы VI в. Само выдвижение программы реформ стало переломным моментом политической борьбы и обеспечило Клисфену поддержку демоса. Противилась преобразованиям лишь сравнительно узкая прослойка «старой» аристократии, которую возглавлял Исагор. Эта политическая группировка не смогла уже (в ре-

⁸⁹ How W. W., Wells J. A commentary on Herodotus. V. II. Oxf., 1912, p. 40.

⁹⁰ Gomme A. W. More Essays in Greek History and Literature. Oxf., 1962, p. 20.

⁹¹ Cromey. Op. cit., p. 132.

⁹² Robinson C. A. The Struggle for Power at Athens in the Early Fifth Century. — AJPh, 1939, v. 60, № 2, p. 232—234.

⁹³ Р. Кроме приводит такое наблюдение: Гиппократ Алкмеонида, который дважды в начале V в. изгонялся остракизмом, в надписях на черепках обвиняют в безнравственности и высокомерии, но не в мидизме. См. Cromey. Op. cit., p. 132 f.

⁹⁴ Ibid., p. 139 f.

зультате роста самосознания и политической активности демоса) использовать отношения зависимости между жителями определенных районов Аттики и аристократами и опиралась в основном на внешнюю, спартанскую помощь. Реформы отвечали насущным интересам демоса и пользовались его поддержкой; именно благодаря демосу были изгнаны спартанцы, и Клисфен одержал победу над своими противниками. Афинский демос созрел для того, чтобы принимать активное участие в политической борьбе и оказывать на нее решающее воздействие. Политическая борьба вокруг реформ уже была не просто борьбой группировок Клисфена и Исагора за власть; это была борьба за выбор пути дальнейшего развития политической системы Афинского государства.

Становление классического полиса не обязательно связано с установлением демократии: классическим примером олигархии в развитом в экономическом отношении полисе служит Коринф. В Аттике аристократия не была единой в социально-экономическом отношении, часть ее была мало связана с земельными владениями и региональными культурами, как, например, Алкмеониды. Алкмеониды, в ходе политической борьбы поставленные перед дилеммой — либо поражение, либо союз с демосом, — выбрали последнее, и их поддержала значительная часть атической знати. Интересы демоса и этой части знати во многом совпадали. Как демос, так и «новая» аристократия были заинтересованы в таком административном делении Аттики, которое исключало бы возможность как сохранения зависимости сельского населения от влиятельных аристократов, так и — в результате этого — существования на локальной основе политических группировок «традиционных» аристократов.

Клисфен понимал необходимость перемен, невозможность сохранения старой афинской политической системы, прежнего значения традиционных родовых институтов⁹⁵. Он стремился к тому, чтобы при демократическом государственном устройстве политическое руководство находилось в руках аристократов, поддерживавших преобразования. Поэтому отчасти имеют основания свидетельства поздних источников об «отеческих законах» Клисфена (Ath. pol. 29, 3), «аристократии времени Клисфена» (Plut., Cim. 15)⁹⁶. Но только отчасти, потому что Клисфен поставил у власти не аристократию как социальный слой, а отдельных ее представителей, которые избирались демократическим путем. Этому способствовало новое территориальное деление Аттики, обеспечившее как представительство жившей в основном в Афинах аристократии во всех крупных административных единицах (филах), так и невозможность для противников нового порядка (сторонников Писистратидов и Исагора) объединения поддерживавших их сил на локальной основе. Новое административное деление Аттики было тщательно продумано и преследовало политические цели.

Хотя термин «демократия» появился позже, политическое устройство послеклисфеновских Афин представляло собой первый этап демократии. Граждане были равноправными, но магистратуры, в отличие от более позднего времени, не оплачивались и поэтому реально на них могли претендовать либо аристократы, либо представители верхушки демоса. Причем аристократы в силу престижа, политической и военной подготовки, поддержки своих геносов получали преимущество, и все крупные политические деятели Афин вплоть до Пелопоннесской войны были выходцами из знати⁹⁷.

⁹⁵ См. Фролов. Ук. соч., с. 10—11.

⁹⁶ Ее, по мнению Плутарха, хотел возродить Кимон. «Аристократия» в данном контексте означает ведущее положение знати в государстве, а не аристократическую форму правления. Плутарх прослеживал связь между Клисфеном и консервативными политиками Афин V в.; Аристид был *ἑταῖρος* Клисфена (Plut., Arist. 2). Клисфен был «учителем» Аристида, а Аристид — Кимова (Plut., Moral. p. 791a, 805e).

⁹⁷ Connor W. R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971.

Таким образом, в результате клисфеновских реформ были созданы условия для социально-политического единства части аристократии и демоса (особенно его более зажиточной части) по вопросу о направлении политического развития Афин, что знаменовало формирование класса работников с общими для всего класса интересами. Это не исключало в дальнейшем острой политической борьбы, но она уже перешла в другое русло: в течение первой половины V в. до н. э. политическая борьба в Афинском государстве велась вокруг *степени* развития демократии, в то время как общее направление развития было заложено реформами Клисфена.

THE INFLUENCE OF THE CLEISTHENIC REFORMS
ON THE SOCIAL AND POLITICAL ANTAGONISMS
OF LATE ARCHAIC ATHENS

S. G. Karpyuk

The reforms of Cleisthenes were closely involved with the social and political turmoil which plagued Athens in the last years of the 6th century B. C. The mere announcement of the reform program brought the political crisis to a head and secured the support of the demos for Cleisthenes. Opposition was reduced to a relatively small part of the «old» aristocracy headed by Isagoras. But the growing self-confidence and bold actions of the demos prevented that group from making use of the dependent relations between the inhabitants of certain districts in Attica and the aristocrats, so that Isagoras's group could look only to the Spartans for aid. The Cleisthenic reorganisation met the most urgent needs of the demos and guaranteed its support for Cleisthenes. Thanks to that support the Spartans were driven out and Cleisthenes achieved victory over his domestic opponents. The Athenian demos had matured sufficiently to participate actively in the political struggle and exercise a decisive influence on the outcome. The political strife over the reforms had become not merely a struggle for supremacy between two aristocratic factions; it was destined to decide the future development of the Athenian constitution.